

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 8 (88)

Academic Journal

Series:

Philology.
Linguistic Studies

Moscow Journal of Linguistics
Volume 14

Moscow 2012

ВЕСТНИК РГГУ
№ 8 (88)

Научный журнал

Серия «Филологические науки.
Языкознание»

Московский лингвистический журнал
Том 14

Москва 2012

УДК 1(07)
ББК 87я7

Главный редактор
Е. И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д. П. Бак

Ответственный секретарь
Б. Г. Власов

Серия

«Филологические науки. Языкознание» /
Московский лингвистический журнал

Редакционная коллегия серии:

С.И. Гиндин – главный редактор серии
Н.Г. Семенова – ответственный секретарь серии
А.В. Дыбо
О.А. Казакевич
Г.Е. Крейдлин
М.А. Кронгауз
Р.И. Розина
М.Б. Рукодельникова
Я.Г. Тестелец
З.М. Шаляпина

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

In memoriam

Прощаясь с Ю.А. Шихановичем

С.И. Гиндин
Учитель лингвистов.....9

Е. Ш.
Ю.А. Шиханович до прихода к лингвистам: Биографическая
справка..... 11

Вспоминают коллеги

С.А. Ковалев
Хорошо организованная Вселенная.....12

М.И. Белецкий
Педагог, правозащитник, ценитель поэзии.....14

А.Б. Сосинский
Вспоминая Юру Шихановича..... 21

А. Вентцель
В кабинете у Петровского..... 25

И.Е. Бурмистрович
О Ю.А. Шихановиче.....26

Г.Б. Шабат
Юрий Александрович в РГГУ..... 29

Вспоминают ученики

Г.Е. Крейдлин
Несколько слов о Ю.А. Шихановиче.....32

А. Раскина
Без экзамена.....35

В. Раскин
Об уважении несогласия.....38

Н.В. Перцов
О Юрии Шихановиче (и не только о нем) – «все лучшие
воспоминанья» полвека спустя.....39

Н.В. Браккер
О Шихановиче.....45

В. Кейдан
Памяти учителя и друга..... 49

Т.В. Штарева
Репетитор.....52

Ю.А. Шиханович
Видеоинтервью, данное В.В. Файеру 24 апреля 2010 г.....54

Теоретические и описательные исследования

К.Т. Гадилия Ирано-балканские параллели (категория определенности и неопределенности).....	73
А.С. Житниковская Семантические особенности обособленного определения в современном английском языке.....	79
М.М. Козырева Особенности употребления ненормативной лексики и сложности ее перевода с английского языка на русский (на материале фильма «Дневник Бриджит Джонс»).....	87
М.Б. Рукодельникова Негативные конструкции в дунганском языке с точки зрения типологической перспективы его развития.....	95
Т.В. Скулачева Синтаксис стиха: полноударные строки пятистопного ямба А. Попа и Дж.Г. Байрона.....	102
А.Я. Шайкевич Лексика русской прозы XIX в. на фоне Национального корпуса русского языка.....	110

Дискуссии. Отклики

Я.Г. Тестелец По материалам Круглого стола о проблеме происхождения языка.....	130
С.А. Бурлак Человеческий язык как коммуникативная система-комментарий.....	132
Е.Н. Панов Что может дать изучение коммуникации животных для проблемы происхождения языка?.....	146

Лингвистика в кругу наук

А.С. Ванюков Генерирование метафор как показатель инородности «декамероновской» истории в «Жизнеописании Эзопа».....	174
---	-----

Московские лингвисты

И. Мельчук Виктор Юльевич Розенцвейг (1911–1998).....	202
М.Р. Кауль О лингвистическом наследии С.С. Хидекель.....	221
Abstracts.....	232
Об авторах.....	235
General data about the authors.....	238

CONTENTS

In memoriam

Farewell to Yuriy Shikhanovitch

S. Gindin
Teacher of linguists.....9

E. Sh.
Yuriy Shikhanovitch before coming to linguists: Biographical
note.....11

Colleagues' recollections

S. Kovalev
Well-organized Universe.....12

M. Beletskij
Teacher, Human Rights Activist, Connoisseur of Poetry.....14

A. Sossinsky
Remembering Yura Shikhanovich.....21

A. Wentzell
In Petrovsky's office.....25

I. Burmistrovich
About Yu. A. Shikhanovich.....26

G. Shabat
Yu. A. Shikhanovich in the RSUH.....29

Disciples' recollections

G. Kreidlin
Some words about Yu. A. Shikhanovich.....32

A. Raskina
Without the exam.....35

V. Raskin
Respect for Disagreement.....38

N. Pertsov
On Yuriy Shikhanovich (and not only) – «all best reminiscences»
half a century later.....39

N. Brakker
About Yu. A. Shikhanovich.....45

V. Keidan
In memory of my friend and teacher.....49

T. Shtareva
Private Tutor.....52

Yuriy A. Shikhanovich
Video interview recorded by Vladimir Fayer on 24. April 2012.....54

Theories and Descriptions

K. Gadilia	
Iranian and Balkan language parallels (the category of indefiniteness and definiteness).....	73
A. Zhitnikovskaya	
Semantic peculiarities of detached attributes in modern English.....	79
M. Kozyreva	
Offensive language and the difficulties of its translation from English to Russian (as exemplified by subtitles in the «Bridget Jones' Diary»).....	87
M. Rukodelnikova	
Negation and prospect of typological change in Dungan.....	95
T. Skulacheva	
Syntax of Verse: Full-stressed iambic pentameter of Alexander Pope and George Byron.....	102
A. Shaikovich	
Lexicon of XIX century Russian prose in comparison with the National corpus of the Russian language.....	110

Discussions. Comments

J. Testeleis	
From the papers of the Round Table on language origin.....	130
S. Burlak	
Human language as a communication commentary-system.....	132
E. Panov	
What can the study of animal communication give for the understanding of the emergence of the language?.....	146

Linguistics Among the Other Sciences

A. Vanjykov	
Generation of metaphors in «decameronic» episode of the Life of Aesop as a sign of its alien origin.....	174

Linguists of Moscow: Historiography, Biographies, Memoirs

I. Mel'čuk	
Viktor Ju. Rosenzweig (1911-1998).....	202
M. Kaul	
On linguistic legacy of Sara Khidekel.....	221
Abstracts.....	235
General data about the authors.....	238

Московские лингвисты

И. Мельчук

Виктор Юльевич Розенцвейг (1911–1998)

Статья посвящена жизни и научной деятельности Виктора Юльевича Розенцвейга, организатора и мецената молодой советской лингвистики в 1950-е – 1970-е годы в Москве. Она основана на личных воспоминаниях автора, младшего друга ВэЮ в течение сорока лет.

Ключевые слова: история советской лингвистики, Лаборатория машинного перевода, Московская семантическая школа.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.

В.А. Жуковский

Я хорошо понимаю, что моих способностей недостаточно, чтобы создать удовлетворительный портрет Виктора Юльевича Розенцвейга, попросту ВэЮ, человека, который во многом заменил мне отца, а для целого поколения российских лингвистов был покровителем и заботливым руководителем. Тем не менее, я берусь за это безнадежное дело, ибо страдаю от мысли, что не только иностранцы, но и россияне младших поколений не знают о роли ВэЮ в судьбе многих молодых лингвистов его времени и не понимают, почему мы, старики, так восхищаемся им. А когда мы уйдем (уже совсем скоро!), некому будет хотя бы вкратце набросать эту главу из жизни российской науки – да и из самой российской жизни.

Что касается фактов, составляющих, так сказать, твердый скелет истории лингвистической деятельности ВэЮ, то они изложены и документированы достаточно полно в двух статьях В.А. Успенского¹. Это позволяет мне не сосредоточиваться на объективной стороне дела, а оставаться на все 137% субъективным. Я хотел бы предложить картину «ВэЮ глазами Мельчука» в виде триптиха: тезис – антитезис – синтезис. А именно, начав с описания того аспекта личности ВэЮ, который был перед моими глазами (и остается перед глазами моей памяти), коснуться того аспекта его жизни, который был скрыт от всех нас (и приоткрывается только сейчас, да и то по чайной ложке в год), и попытаться подвести хоть какой-то философско-моральный итог.

© Мельчук И., 2012

I

Лично для меня ВэЮ появился на сцене в 1956 году, как только я закончил Московский университет, летом 1956 года. К тому времени я уже более двух лет занимался машинным переводом – с февраля или марта 1954, вместе с математиком-программистом Ольгой Кулагиной, под руководством профессора Алексея Андреевича Ляпунова. Довольный нашим сотрудничеством, Ляпунов хотел взять меня на работу к себе – в Отделение Прикладной математики знаменитой «Стекловки»², но это у него не получилось: первый отдел его института наотрез отказался рассматривать мою кандидатуру – из-за моего еврейства. (Может быть, были и другие соображения – мой слишком длинный язык и несдержанный характер; к тому же институт Ляпунова был секретным: там первые советские компьютеры работали над расчетами траекторий баллистических ракет.) И вот тут, насколько мне известно, ВэЮ, который бог ведает каким образом узнал о проблеме, написал письмо об этом Акселю Ивановичу Бергу, замечательному человеку и ученому, адмиралу-академику (и недавнему заключенному советских концлагерей), который связался с Ляпуновым и добился – через президиум Академии Наук СССР – выделения ставки для меня в Институте языкознания АН СССР, куда я и поступил в 1956 году (тоже не без проблем, но об этом в другой раз). Таким образом началом своей лингвистической карьеры я, хоть и косвенно, обязан Розенцвейгу.

1956 год – очень важный момент в жизни России. Только что Хрущев объявил о конце сталинизма; официально закончился кровавый кошмар, длившийся тридцать лет. Государство перестало убивать. Только люди, сами жившие под коммунистическими режимами (Россия, Китай, Камбоджа, Северная Корея), могут представить себе, что означает конец такого существования. Началась эпоха «Бури и натиска», с последующей розово-голубой романтикой. Казалось, перед нами открылись бескрайние горизонты нормального существования. «Оттепель», как назвал это время Эренбург. А я бы сказал – неожиданный конец полярной ночи и сумасшедшая, неудержимая Весна. Все превратились немножко в мартовских котиков... Больше я никогда не переживал такого всеобщего ликования. Все вокруг представлялись умниками и друзьями. Именно в это время расцвела культура туристских походов, увлечения альпинизмом, пения у костров и посиделок на кухнях.

Начались грандиозные преобразования в науке. Из лагерей стали возвращаться исхудавшие выжившие ученые – такие, как Николай Тимофеев-Ресовский (вернулся и еще не реабилитированный Солженицын). Из могильной тьмы хлынули потоком до тех пор

И. Мельчук

не известные моему поколению имена: писатели и поэты, ученые и архитекторы, инженеры и художники. Кибернетика в одночасье перестала быть лженаукой буржуазных мракобесов и американской военщины³; как-то сами собой усохли и отпали сталинское языкознание и сталинская биология (увы, не сразу и не совсем). Стало можно открыто говорить – и даже писать в печати – о теории относительности. Раздались первые песни Визбора, Высоцкого, Окуджавы. Эпоха Раннего Реабилитанса!

На этом фоне и надо рассматривать явление ВэЮ народу. В.Ю. Розенцвейг, беспартийный, сравнительно недавний иммигрант, скромно заведовал кафедрой французского перевода в МГПИИЯ – Московском Государственном педагогическом институте иностранных языков (что на Остоженке, в те времена – еще Метростроевской; ходовое название – Ин-Яз). ВэЮ не был вхож в тайные коридоры и не казался своим человеком у советской власти, однако же сумел создать в 1956-1957 годах центр, объединявший все лучшее, что было тогда в советской лингвистике (в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Киеве, Тбилиси, Ереване). А именно, ВэЮ придумал Объединение по проблемам машинного перевода – вполне мистическую организацию, не имевшую ни помещения, ни бюджета, ни членства, но, тем не менее, дававшую рекомендации для защиты диссертаций, проводившую конференции, организовывавшую летние/зимние школы, семинары и коллоквиумы, оформлявшую командировки, а главное – издававшую БОПМП, знаменитый «Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода», единственный (я подчеркиваю: единственный!) орган, где могли публиковаться мы все. В 1969 году ВэЮ создал не менее мистическую Проблемную Группу по Экспериментальной и Прикладной Лингвистике, под эгидой которой чуть ли не 20 лет печатались лингвистические брошюры-препринты – своеобразный самиздат. Разумеется, редактором и издателем был лично В.Ю. Розенцвейг. Это было странное сообщество, такая пифагорейская школа посреди большого советского концлагеря (правда, не такого страшного, как еще совсем недавно)...

Ко всему этому ВэЮ устроил при МГПИИЯ Лабораторию машинного перевода, имеющую несколько штатных мест и финансово опирающуюся на договорные работы. В разные моменты в ней трудились Жолковский и Щеглов, Леонтьева и Мартемьянов, Ельницкий и Урысон, Королев и Эрастов, Перцов и Шаляпина, Чехов и Гиндин. А вокруг роились друзья и союзники: Ив́анов, Успенский и Падучева, Кулагина, Арсентьева и Шиханович, Мельчук и Иорданская, Апресян, Гладкий и Дрейзин...

В этой лаборатории ВэЮ проводил первые на советской земле встречи нормальных лингвистов с живыми иностранцами: прохо-

Виктор Юльевич Розенцвейг (1911–1998)

дит потрясающий вечер с Романом Якобсоном; является изрекать окончательные истины Дэвид Хейс (карикатурный американец – огромного роста и с сигарой во рту); выступает один из первых хомскианцев Роберт Лиз; появляются англичанин Тони Хоар (который, как он говорил, по утрам «отрывал и бросал» – вместо «рвал и метал»), француз Дени Пайяр, немец Манфред Бирвиш, венгры Сепе и Папш, поляка Анна Вежбицка, австриец Тильман Ройтер; и другие, которых я уже не помню. Таким образом, существенно раздвинулись наши горизонты и стала меняться наша ментальность узников. Замечу еще, что ВэЮ организовал на переводческом факультете Ин-Яза отделение машинного перевода, умножив тем самым контакты студентов с порядочными людьми и настоящей наукой.

И, наконец, ВэЮ, как блестящий дипломат, непрерывно улаживал конфликты, возникающие между его подопечными и властями предрезающими. Этот аспект его деятельности отражен в оде В.А. Успенского, которую я не могу не привести полностью (см. Приложение).

А теперь, я думаю, можно перейти к моим личным воспоминаниям о ВэЮ. Начну с двух его фотографий, которые сохранились у меня и которые хорошо передают его внешний облик:

Внешне ВэЮ представлялся человеком зарубежного разлива: так, он ходил в берете, что вовсе не было принято в СССР. Говорил по-русски прекрасно, но с сильным еврейско-французским акцентом. Был изысканно вежлив и всегда – даже в больничной пижаме – элегантен. И самое главное: ВэЮ был Великим Менеджером Всех Времен и Народов, хотя само слово «менеджер» в те дни нам известно не было. Именно благодаря ему в России выросло и вышло в большую лингвистику целое поколение ученых. Не было бы ВэЮ – не было бы и нас...

И. Мельчук

«В общем редкий пример отцовской фигуры, которую нет ни малейшей охоты деконструировать. Он сделал для нас и из нас, наверное, лучшее, что можно было сделать», – написал о ВэЮ Всеобщий Издатель А. Жолковский⁴. Я присоединяюсь.

Мои истории идут в произвольном порядке – как вспомнилось. Впрочем, может быть, последовательность их выныривания из памяти тоже что-то отражает?

«Такому начальнику пол-литра не поставить?!?» Отлеживаясь в больнице после операции на колене (результат взрыва примуса в горном походе летом 1968-го года), я познакомился и подружился со сравнительно молодым рабочим-водопроводчиком Мишей, фамилию которого если я и знал, то напрочь забыл. Он лежал в той же больнице рядом со мной на полу в коридоре травматологического отделения, с такой же травмой.

Один из многочисленных детей школьной уборщицы-мордовки, в раннем детстве в Поволжье Миша нищенствовал, собирая кусочки хлеба и вареные картошки по деревням. Подростком пришел в Москву, где сменил много работ и получил много самых разнообразных травм, производственных и бытовых. (Как-то в подпитии Миша затеял игру со свояком: кто ближе подпустит к своему лицу работающую электропилу; результат был очевиден: пила разрежала Мише лицо и лоб, он чудом выжил, сохранив чудовищный шрам через всю физиономию.) Чтобы получить прописку и жилье в Москве, он пошел на наружные водопроводные работы: прокладка и ремонт водопроводной сети под открытым небом (а в Москве температура зимой часто бывала под -30°). Студеным январским днем Миша поскользнулся в глубокой траншее – разрыв мениска и связок в оперированном много лет назад колене. Так он оказался моим соседом на полу в коридоре 1-ой Градской. И тут я узнал, какой это славный человек, несмотря на его дремучую бескультурность. С первой же минуты Миша бросался помогать оперированным больным: подносил им воду или судно, утирал пот, помогал поменять позу, просто поглаживал лицо или руки, когда боль была невыносимой... (Наша единственная санитарка, немолодая женщина, страдающая к тому же слоновой болезнью, никак не могла управиться с сотней неходячих больных, заполнявших не то что палаты, но и все полы коридоров Отделения травматологической хирургии.) А потом, когда благополучно починенный в (n+1)-ый раз Миша сам стал неходячим после операции, он щедро делился с пестрым населением нашего Отделения вкусной едой, которую ему приносила жена.

Мы подружились – при всей невероятности этой дружбы. Меня привлекла необыкновенная человечность этого изуродованного, избитого жизнью работяги. Ему же, как мне кажется, нравилась

жизнь интеллигентов: любовь к истине, теплая дружба, известная утонченность, какая-то отрешенность от повседневных забот. Он восторгался моими друзьями, навещавшими меня в больнице, и Лидой. И после того, как мы оба, Миша и я, вышли из больницы, Миша стал регулярно приезжать к нам в гости на Байкальскую улицу. Телефона у нас не было, так что он рисковал часовой поездкой, ибо иногда не заставал нас дома. Да и если заставал: он ведь ехал к нам после восьми часов тяжелейшей работы...

В один из зимних вечеров Миша явился к нам с пакетом апельсинов (которые он безо всякого зазрения совести воровал на базах для закрытых партийных распределителей, чтобы потом раздавать детишкам во дворе общежития); у нас же был ВэЮ. Мы пили чай с чем-то очень скромным. Миша подсел к столу; я представил Мишу и ВэЮ друг другу, и разговор продолжался: как всегда, о событиях в научном (= лингвистическом) мире, о знакомых семьях, о книгах и фильмах. Миша, разумеется, помалкивал. Но вдруг он встал из-за стола и, стоя в дверях, за спиной Лиды и ВэЮ, знаком поманил меня к себе. «А этот Виктор как там – он тебе кто?» Объяснить было непросто; я упростил: «Вроде бы начальник». – «Начальник, трах-тибидох?!? Такой мировой? Что ж ты поллитра не поставил?? Слушай, вот у меня трешка, я сбегаю к метру, там мага́зин, возьму хоть портвейна. Разве можно такому начальнику не поставить, мать-перемать, размать и вы́мать!!!» Мне стоило большого труда убедить его, что ВэЮ **настолько** хороший начальник, что и поллитра ему не надо. И до сих пор я не могу ответить на вопрос, каким образом неграмотный Миша смог оценить по достоинству личность ВэЮ. Но сам факт поразил меня настолько, что и сейчас, больше полувека спустя, я вижу сияющие Мишины глаза, ловящие каждое движение ВэЮ. Миша, ау? Где ты? (От Нины Леонтьевой я узнал, что ВэЮ со смехом пересказывал ей Мишины слова: «Вот человек с большОЙ буквОЙ!»).

«**Отойди от окна!**» С момента рождения нашей дочки Светы (1963 год) я говорил с ней по-французски, что она ненавидела, но была вынуждена все-таки что-то усваивать. Как-то, когда ВэЮ был у нас, шестилетняя Света стояла у приоткрытого окна (ранней весной? поздней осенью?), жадно рассматривая нечто происходящее на улице; а из окна несло холодом. – *Va t'en de la fenêtre!* – крикнул я ей, калькируя русское «отойди от окна». И вдруг ВэЮ прерывает разговор, который мы вели, задумывается и говорит мне: «Игорь, так по-французски сказать нельзя! Не знаю, почему, но нельзя». – «А как же надо?» – «Ммм, ну, например, *Ne reste pas près de la fenêtre*». С тех пор прошло более сорока лет, уже не было с нами и самого ВэЮ, а я все думал и думал об этом замечании. Как формально

описать невозможность фраз типа **Va t'en de la fenêtre?* Лишь в последние годы постепенно сформировался (на самом деле – простой и очевидный) ответ: необходимы ограничения не на фразы как таковые, а на комбинации смыслов, т.е. необходимы смысловые фильтры. Так, для французского языка надо иметь фильтры, запрещающие выражать в одном слове определенные комбинации семантем, вроде *['направление перемещения' + 'способ передвижения']. ('Направление перемещения' выражается по-русски глагольными префиксами типа *от-* vs. *под-*: *отойти* vs. *подойти*, и т.д., а по-французски – такими глаголами, как *aller* vs. *venir* или *sortir* vs. *entrer*. Компонент 'способ передвижения' содержится в смысле глаголов 'идти', 'ехать', 'ползти', 'плыть', 'лететь'.) В то же время необходимы фильтры, требующие – в данном языке – определенных комбинаций семантем в смысле слов. Иначе говоря, по-французски надо сказать либо 'приблизиться'/'удалиться', либо 'ползти'/'бежать', а по-русски – 'подползати'/'отползати' или 'подбегати'/'отбегати'. Что в смысле французских глаголов не комбинируются смыслы направления перемещения и способа передвижения, было известно давно – со времен Ш. Балли⁵. Необходимо было сделать небольшой следующий шаг. Так родилась концепция сложных смыслов, правильных в одном языке и неправильных в другом; и вот первый результат: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется: слова ВэЮ отозвались во мне много лет спустя – но отозвались».⁶

«Доктор Реформатский». Один из лучших лингвистов России, Александр Александрович Реформатский не был профессором, поскольку не был доктором наук. Наше начальство, т.е. дирекция Института Языкознания АН СССР, относилась к нему с удивительным неуважением; в какой-то момент его даже вывели из состава Ученого Совета института, не предупредив его об этом... А писать и защищать докторскую диссертацию он наотрез отказывался, говоря что-то вроде того, что «дожил я так до 70-ти лет, и до Ваганькова так же доживу». Тем бы дело и кончилось, если бы не ВэЮ. Узнав про все это, он энергично взялся за дело: убедил ректора Ин-Яза провести защиту в Ин-Язе, т.е. в недоступном для академических злопыхателей месте, нашел и пригласил оппонентов, и Реформатский стал доктором наук по совокупности опубликованных трудов.

«Кто-то же должен быть в лавочке!» ВэЮ принимал на работу секретаршу – Риту Бурьянову. Как она вспоминает, он чрезвычайно радушно и любезно объяснил ей ее будущие обязанности и сказал, как бы извиняясь за то, что ей придется бывать в лаборатории: «Мы здесь мало бываем, работаем дома, но кто-то же должен сидеть в лавочке!» Этой фразой с соответствующим акцентом и интонацией он ее совершенно купил.

«Девочки простаивают!» В 1970 году ВэЮ организовал для сотрудников Лаборатории и примкнувших к ним лингвистов замечательную летнюю школу (в конце мая) в Доме композиторов рядом с армянским городком Дилижан. К нашим услугам были чудесные коттеджики, где многие из нас жили со своими семьями, вполне хорошая столовая и удобные помещения для работы. И работали мы, как заведенные, – с удовольствием и в полную силу, регулярно собираясь в зале для коллективных обсуждений и докладов. Туда время от времени нервно заглядывал директор Дома – очень типичное, прямо-таки карикатурное лицо «кавказской национальности»: усатый армянин, с огромным носом, глазами-сливами и знаменитым кавказским акцентом. И видя его в десятый раз, я спросил ВэЮ, чего он так беспокоится. «А вот, видите ли, Игорь, – ответил мне ВэЮ, – у него тут три библиотекарши, спецзатейница, две официантки и т. п. – вполне роскошные дамы. Но он со мной говорил и жаловался на вас...» – «На меня?!?» – «На всех вас, или точнее, на всех нас. Что, говорит, ви за мужыкы такыя паанаехалы? Такыя дэвочки – палчыкы облыжыш! – и простаивают!!»

«Чем пахнет?» А сейчас о совсем других девочках – моих дочках. Когда ВэЮ приезжал к нам и звонил, мы приоткрывали дверь. В щель просовывался его огромный волосатый кулак и раздавался приглушенный голос: «Ну, чем пахнет?» Света и Катя с визгом неслись к дверям, ибо под кулаком, на веревочке, зажатой в другой руке, болтался пакетик с чем-нибудь ооочень вкусным...

«ВэЮ и помидоры». Однажды я навесил ВэЮ на даче. Когда я приехал, он занимался удобрением помидоров, которые он там у себя выращивал. К длинной палке он приладил кружку, которая могла управляться бечевкой; с помощью этого нехитрого снаряда он черпал откуда надо человеческие фекалии, переносил их как надо и аккуратно выливал куда надо. При этом он был в строгом черном костюме, в белой рубашке и при галстукe – он ждал гостей. Невозможно вообразить себе более элегантного разбрызгивателя говна.

«Мои фурункулы». Жена ВэЮ, Анна Марковна Маршак, была знаменитым врачом, специалистом по гнойной хирургии (работала в институте им. Вишневского). Ее нередко приглашали оперировать важных партийных боссов – они доверяли этой еврейке больше, чем своим расово чистым кремлевским врачам. После операции ей вручался конверт с приличным вознаграждением, но на постоянную работу в Кремлевскую больницу ее не приглашали. И, конечно, она спасала всяческих шишек в национальных республиках. Я помню, как однажды вечером в квартиру Розенцвейгов буквально вломились два роскошных грузина: «Гьдэ доктор Маршак? Вот былет Тыбылиси – сычас прамо лытет!» (там погибал от гнойного заражения

И. Мельчук

кто-то очень важный). Трудно себе представить благодарность всех этих людей – для Анны Марковны они были готовы на все. Даже я попользовался этим ее благодатью. Как-то, после похода по Кавказу, мы должны были вылетать в Москву из Сухуми. Билетов, конечно, не было на две недели вперед. Но я чудом вспомнил фамилию первого секретаря сухумского горкома партии NN – его сын был починен Анной Марковной в ситуации полной безнадежности. И я обратился к начальнику касс аэропорта. Как только меня связали с NN по телефону и я произнес имя Анны Марковны, он сказал: «Для нее – все. Сколько вам нужно билетов?» И мы улетели на следующий день.

Однажды приболел сам ВэЮ; это случилось в последний день летней школы в Армении. В самолете он чувствовал себя все хуже и хуже. Дома Анна Марковна поняла, что у него аппендицит, и отвезла его в больницу. Там дежурный хирург, осмотрев ВэЮ, нашел, что ничего особо острого нет и надо ждать до утра. Анна Марковна же считала, что оперировать надо немедленно. Хирург отказался. И тогда доктор Маршак сама велела класть ВэЮ на операционный стол и сама взялась за скальпель. Аппендикс был такой набухший, что еще немного – и он бы лопнул: гарантированный перитонит. А так ВэЮ уже через день поднимался с койки и встречал навещающих его друзей.

В моей собственной жизни Анна Марковна также занимает особое место. В молодые годы я страдал от разных бактерий, прямо-таки кишевших во мне: то какая-то флора в крови, то стафилококк, то герпес. В академической поликлинике (куда я должен был обращаться, так как работал в системе Академии) ничего с этим поделать не могли: то просто резали замучившие меня фурункулы, то принимали их за венерическое заболевание (sic!), но лучше мне не делалось. И вот однажды я физически не смог куда-то пойти из-за фурункула на колене, о чем, оправдываясь, доложил ВэЮ. «Покажем Вас Ане!», немедленно отреагировал он. И через день я был осмотрен, диагностирован и снабжен ампулами стафилококкового анатоксина, который тогда (полвека назад!) разрабатывался в одной из лабораторий института Анны Марковны; после нескольких уколов я забыл фурункулез навсегда... А когда в Новосибирске от диабетической гангрены погибал замечательный человек, математик Глеб Акилов, Анна Марковна добывала синтетическую кожу, необходимую ему (а я переправлял эту кожу в Новосибирск).

И кого только из нас, наших жен и наших детей Анна Марковна ни лечила! Например, по просьбе Риты Бурьяновой, она очень помогла Ритиной сестре. Та почти полгода пролежала в больнице в тяжелом состоянии, и врачи не смогли не только ее вылечить, но даже поставить правильный диагноз. Анна Марковна организова-

ла визит крупного специалиста, и этот специалист все точно определил и назначил эффективное лечение. Еще один пример: осенью 1968-го года в больнице умирал от общего сепсиса Юрий Глазов, востоковед и диссидент. И вот «Анна Марковна Маршак, <...> эта удивительная женщина, – пишет Глазов, – грозит моей докторше, что привлечет ее к судебной ответственности, если та немедленно не приступит к вливанию мне плазмы. Откуда-то вдруг явились чудодейственные заграничные лекарства»⁷; и Глазов выжил!

Роль Анны Марковны в наших жизнях хорошо передается следующим стихотворением, которое написал Юрий Зиман к шестидесятилетию ВэЮ:

1. А чьи антибиотики
У всех у нас в животике?
Без чьих антибиотиков
Животики никак?
– Анны Марковны Маршак.

2. Кто, любя так нежно мужа,
Раскромсал, нутро наружу,
Вынул, срезал, что похуже
(Организму вреден брак!)?
– Анна Марковна Маршак.

3. К кому столпы ученые,
Трудами допеченные,
Годами не леченные
Спешат, ускорив шаг?
– К Анне Марковне Маршак.

4. От кого стафилококки
Дохнут в судорогах, в шоке?
Кем карбункул в липком соке
Обезврежен, гнойный враг?
– Анной Марковной Маршак.

5. Не построишь перевод,
Если мучает живот.
Просто не было б науки,
Если б Вам не скальпель в руки.
Безусловно, это так!
– Glory, glory, hallelujah
Анне Марковне Маршак!!!

Было бы несправедливо не упомянуть в заключение, что Анна Марковна была к тому же потрясающей кулинаркой. Кто хоть раз пробовал ее знаменитые «мититеи» – маленькие румынские люля-кебабчики, тонущие в суперсмачном соусе, – вряд ли смог их забыть. Полвека спустя я помню их вкус!

«Тер-Микаэлян и вино». Тед Тер-Микаэлян, сухощавый, подтянутый, энергичный компьютерщик из Еревана, был одним из важных узелков в сети социальных связей ВэЮ: он друг влиятельного академика Сергея Мергеляна, он заведует чем-то там по машинному переводу, он вхож туда и сюда. Одним словом, в некий день мы оказались вместе у ВэЮ – на старой квартире, в дореволюционном шикарном доме на Арбате, – в квартире покойных родителей Анны Марковны. С утра мы составляли какую-то очередную бумажку – ви-

димо, с просьбой о каких-то деньгах, и около часу дня ВэЮ предложил нам «позавтракать». (На французский манер, он называл обед завтраком – *déjeuner*.) «Мы так хорошо поработали, – сказал он, – что заслужили бутылку вина. Какое бы вы хотели?» Мы ответили, что такое, какое у него есть. «А у меня всякое есть!» – «Ну уж, – удивился Тед. – Не всякое же все-таки!» – «А вы попробуйте, скажите, какое Вам хочется». И многоопытный Тед произнес что-то вроде «*Saint-Émilion*», звучащее заманчиво и непонятно. «Посмотрим», – невозмутимо откликнулся ВэЮ. Он повел нас в соседнюю комнату, где стоял высоченный, до потолка буфет. ВэЮ распахнул дверцы: сверху донизу буфет был заполнен винными бутылками – их были сотни! Короткий поиск – и ВэЮ размахивает перед носом Теда бутылкой этого самого «*Saint-Émilion*»-а!! В течение следующих десяти минут Тер-Микаэлян приседал и, подсакивая, хлопал себя по ляжкам: «Ай-ай-ай! Ах-вах-вах! Ай-ай-ай!» И вино оказалось очень хорошим...

Припомнилась заодно и другая история, сопрягающая Тер-Микаэляна с ВэЮ. В какой-то момент, на аэродроме в Ереване, Тед Тер-Микаэлян должен был встречать – перед проведением какой-то конференции – важного гостя, представителя военной организации, из которой ВэЮ выколачивал договорные деньги. Этот человек был большой шишкой, во всяком случае для нас: от него зависело наше материальное благополучие. Звали его Нижник. В зале аэропорта ВэЮ и Тед обсуждали детали приема этого потенциального благодетеля, и ВэЮ сказал: «Только смотрите, не обмолвитесь». – «То есть как это?» – «А вот назовете его Нужник... вот как это». Я ясно вижу, как Тед расхаживает перед зданием аэропорта, зажав себе уши и твердя: «Не Нужник, не Нужник, не Нужник». Конец предсказуем: в решительный момент, Тед звенящим голосом начал свою приветственную речь: «Дорогой товарищ ... Нужник!» (Ничего страшного не случилось: т. Нижник был привычен к этой обмолвке).

«Как если бы Игорь был птицей». Как мне кажется, раньше, чем это стало возможно в каком-либо другом месте в Москве, ВэЮ начал принимать в Лаборатории МП зарубежных гостей. И вот там выступает Жан-Клод Гарден, археолог, работающий много лет в Афганистане. Он создал формальный язык – СИНТОЛ, предназначенный для описания определенных типов археологических находок, в частности, различных керамических изделий; базы данных, составленные с использованием этого языка, позволяют автоматический поиск по любым параметрам. Жан-Клод делает доклад об этом своеобразном «семантическом» языке, и ВэЮ просит меня переводить. Но я не мог переводить, не понимая, а понимал плохо; поэтому я все время прерывал Жан-Клода, получал от него необходимые разъяснения, а затем кратко излагал понятое – представляя

все так, как это сделал бы я сам, если бы разрабатывал СИНГОЛ. Ситуация стала раздражать публику, и меня прогнали, заменив, кажется, Юрой Мартемьяновым. А ВэЮ, резюмируя через несколько дней свои впечатления от доклада и моего перевода, сказал своим собеседникам: «Вы знаете, как Игорь изучал бы полет птиц? Он описывал бы, как бы летал он, если бы был птицей!» Я считаю, что это абсолютно точная характеристика моей деятельности.

А вот однажды выданная им оценка чьей-то статьи: «Читал (с легким намеком на “цитал”) я статью К. Вот он как бы уговаривает даму, ласкает, готовит, подогревает, а в самый последний момент “Схъ! – и в сто’ону...”⁸ (Его *ср.*, т.е. модное гуманитарное «сравни», я транскрибирую, как умею)».

«А 3 р. 23 к. за рыбу». Лингвист Исаак Ревзин был другом и соавтором ВэЮ. Человек непрактичный и подверженный разным мелким (и не таким мелким) неприятностям, он находился под теплым крылышком ВэЮ, который непрерывно заботился о нем; в частности, одалживал ему деньги, находил жилье, а когда Ревзин болел – подолгу и мучительно, к нему посылалась бессменная Анна Марковна: как врач и как кухарка. И вдруг произошел полный разрыв. Причиной был Алик Жолковский, а более точно – выпущенный им рукописный сборник в четвертушку листа под названием «Who is Who in Linguistics»⁹, где подвергались ехидным насмешкам все люди, сколько-нибудь широко известные в узких кругах лингвистов и филологов. Большинство из осмеянных реагировали громким смехом. Но увы! не все. Так, про Ревзина, который одним из первых российских лингвистов стал писать про цепочки (символов), «Who is Who» сообщило, в частности, что «он – пролетарий умственного труда, которому нечего терять, кроме своих цепочек» (я и сейчас невольно улыбаюсь, читая эти строки...). Ревзин взбеленился и потребовал от ВэЮ немедленно уволить Алику из лаборатории. Как ВэЮ ни пытался образумить Ревзина, тот не унимался; а когда ВэЮ наотрез отказался обсуждать вопрос об увольнении Жолковского, Ревзин заявил о полном разрыве дипломатических отношений...

Прошло время; я работал с ВэЮ у него дома, когда в дверь позвонил почтальон: он принес почтовый перевод. ВэЮ получил деньги, расписался – и вдруг я увидел у него на глазах слезы. В ответ на мой удивленный взгляд, он протянул мне талон перевода: «Это деньги, которые Ревзин был мне должен...» На талоне значилась дикая сумма: 2003 р. 23 коп. И приписка: «2000 – мой долг; а 3 р. 23 к. – за рыбу». Оказалось, что в какой-то момент Ревзин лежал в чужой квартире, один, больной, с тяжелым гриппом. ВэЮ, разумеется, привез к нему Анну Марковну, а та, кроме лечения, сварила для Ревзина купленную ей по дороге рыбу. Цену вот этой рыбины и возвращал

И. Мельчук

Ревзин. (Увы, данная ссора кончилась для Ревзина плохо: когда у него случился тромбоз, он не обратился к Анне Марковне, как делали все лингвисты из круга Розенцвейга, а лег на операцию в академическую больницу, с ее малограмотными врачами; и там он погиб от нераспознанного тромба в воротной вене...)

«ВэЮ и “Лексическая семантика” Апресяна». Замечательная книга Ю.Д. Апресяна, ставшая существенной вехой в развитии современной лингвистики, не могла выйти в свет в издательстве АН СССР после того, как в 1972 автор был вынужден уйти из Института русского языка (как не прошедший переаттестацию на должность младшего научного сотрудника! Реальная причина – участие в ряде коллективных писем протеста). И вот тогда ВэЮ получил от Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР (в этом Совете председательствовал уже упомянутый выше А.И. Берг) согласие на публикацию монографии под грифом Совета; так книга и вышла в свет. (Не без дополнительных приключений, включающих кражу рукописи в Отделе Науки ЦК партии, но это другая история¹⁰.)

«Система!» Когда на день рождения (83 года) ВэЮ в 1994-ом году в Бостоне собралось более двух десятков его бывших сотрудников и подопечных (из самых разных стран, включая Швецию), он был уже плох, физически и особенно умственно: писал какие-то заявления в домоуправление, боялся открывать дверь, заговаривался... Но был рад этому изъявлению любви и широко улыбался, узнавая то одного, то другого. А в разговоре с Лидой он вдруг сказал: «Знаете, Лидочка, мне кажется, я схожу с ума...».

Последний год жизни ВэЮ; он лежит на кровати в специализированной бостонской больнице для стариков, после перелома руки – в результате неудачной попытки встать. Он уже не узнает людей, кроме своего сына Володи: альцгеймер неуклонно добивает его. Но меня и Лиду он еще узнает... Мы втроем сидим у его постели: Володя и я с Лидой. Говорить с ВэЮ невозможно, сидеть молча – тоже; поэтому мы говорим между собой, а он, с полуулыбкой на губах, (вроде бы) следит за разговором, хотя мы в этом не уверены. Володя рассказывает нам об опытах по выработке электроэнергии на спутниках и ее транспортировке на землю. Несколько раз он произносит слово «система». И вдруг ВэЮ широко улыбается: «Да, система! Именно система...» Слово-пароль Серебряного века русской лингвистики все еще жило в его разрушенном мозгу.

Кстати, до самых последних минут ВэЮ оставался изысканным, доброжелательным джентльменом: пока он еще мог ходить и сидеть, он вставал из-за стола, когда к нему подходили люди, целовал женщинам руку при встрече и прощании и полностью очаровал своим парижским французским медсестру-гаитянку. И до конца старался

шутить – мягко и непритязательно. «Разве ж это собака? – сказал он про крохотную миниболонку. – Это просто лающая кошка...».

«Мы любим Вас, ВэЮ!» ВэЮ был окружен любовью; не только своих сотрудников и коллег, но и их семей, их друзей, семей их друзей и т.д. Так, Л. Ельницкий вспомнил: «В Ин-Язе я знал одного человека, который, когда я ему сказал, что работаю у Розенцвейга, заявил: “Розенцвейг меня спас”. Когда-то он был у ВэЮ студентом, в какой-то момент оказался в трудной житейской ситуации и даже собирался бросить учебу. ВэЮ заметил его подавленное состояние и принял в нем самое деятельное участие. Помог ему практически и еще долго продолжал его опекать. “Был мне как отец.”». Он и мне был как отец...

Вот три письменных свидетельства любви к ВэЮ, оказавшиеся у меня под рукой.

Книга «Синтаксис русских числовых выражений»¹¹ начинается следующим посвящением: «В.Ю. Розенцвейгу, с любовью – и в память об очень многом». А ниже – документы из альбома, изготовленного и подаренного ВэЮ сотрудниками Лаборатории Машинного перевода ко дню его шестидесятилетия.

Ниже – мое письмо ВэЮ, и оно самопонятно; а справа приводится шуточная словарная статья из Толково-комбинаторного словаря [ТКС] русского языка, который разрабатывался при ЛМП группой энтузиастов-лексикографов¹². (К сожалению, понимание юмора этой статьи предполагает серьезное знакомство с лексикографией подхода «смысл ↔ текст».)

26. XI. 71.
Дорогой мой (= мам)
В.Ю.,
мне колотило прощайте
последние годы то, что Вы
есть; мне легка начинать
день и встречать Ночь,
вскользкая о Вас.
Сказать, что я Вас
огонь люблю и надеюсь
еще на долгие годы
общения и дружбы с

Вам, – это сказать
огонь мало; но увы!
я не умею говорить
хорошо – и не найду хоро-
ных слов. Да и не в
них дело! Вы ведь
сам знаете, что ищю.
но я хочу сказать
Вам!
Будете здоровы еще
десятью лет!
Вам И.

Отрывок из ТКС
(Фрагменты статей "РОЗЕНЦВЕЙГ", "ОБЕД", "ОБАЯНИЕ")

РОЗЕНЦВЕЙГ

Dupl : устар. Резвин и ~

Syn : пасп., бухг., сберкнижн. Мордко Юльевич;
разг. ВЭЮ

Gener : Цвейг

Mult : Розенбаум

Анос : Вайншвайг

1	2	3	4	5 - слабее
Кто заклю- чает договор	С кем за- ключает договор	С кем за- ключает договор	С кем за- ключает договор	С кем за- ключает договор
X	ГАРАСС обязат.	ГОСПЛАН обязат.	ПОЧРАС обязат.	ГРЕНОВЬ желат.

*Oper*_{2,4} : поговорить с ~

ResultFunc : выдать, положить на стол

ОБЕД Примеры: Обед у Максима; Обед у Виктора Юльевича;
 На обед у Виктора Юльевича подают 8 блюд.

ОБАЯНИЕ X-а = X действует на окружающих так же, как Виктор Юльевич

*) Поскольку проблема вскрытия сути обаяния вряд ли разрешима, определение должкования дается с помощью ссылки на очевидный пример.

II

А теперь – совсем другая фигура, Мордхэ Иоэльевич Розенцвейг, родившийся в 1911 году в российско-румынско-украинском Хотине. Однажды я пришел к ВЭЮ по делам, он усадил меня за стол и попросил подождать несколько минут; я стал сгребать в сторону бумаги, чтобы расчистить себе место за столом, – и вдруг увидел анкету, заполненную рукой самого ВЭЮ. «1929–1937 годы: оперуполномоченный НКВД во Франции». Я отодвинул эту чертову бумажку далеко в сторону, понимая, что я не должен был ее видеть; но я уже увидел! Я, как и все, знал, что ВЭЮ провел юность во Франции, учился в Сорбонне и в 1937 (!!!) взял и приехал в СССР – не будучи советским гражданином. Кажется, оставив во Франции любимую женщину, а может быть, даже и ребенка. И уцелел, избежав сталинской мясорубки! Все это уже само по себе было загадочно. И вот открывалась

совсем новая страница... Спрашивать ВэЮ не имело смысла; он отвечал «Так сложилось», «Такое было время», «Повезло». На это накладывалось много других непонятных фактов. Так, беспартийному и вполне чуждому советской власти еврею-иностранцу удавались вещи далеко не тривиальные по тем временам: он был скромным доцентом кафедры в Ин-Язе, он создал Лабораторию Машинного перевода, он издавал знаменитый «Бюллетень», он давал работу людям, которых советская система усиленно выталкивала. Позже я узнал, что в 1941 году его приятель Лев Копелев, офицер Красной Армии, был арестован и судим военным судом по обвинению в сотрудничестве с гитлеровцами, – верный расстрел. И ВэЮ, который работал вместе с Копелевым в ВОКС-е¹³, пишет заявление в суд, где ручается за Копелева и вступает в полемику с военными судьями! (Я узнал об этом не от самого ВэЮ, а из воспоминаний Копелева.) «Да, – подтвердил ВэЮ, – а что же было делать? Конечно, страшно было...» И его выступление спасло Копелева!

В течение тридцати лет раскрывалась передо мной – медленно, но неуклонно – истинная картина. В ее основе – старшая сестра ВэЮ, Эстер Иоэльевна Розенцвейг, известная миру как Елизавета Зарубина (по мужу), подполковник НКВД–КГБ, знаменитая советская шпионка; она и ее муж Василий Зарубин не знали ни одного провала за тридцать с лишним лет их плодотворной деятельности. Вот она:

(Кстати, она и ВэЮ были кузенами Анны Паукер, лидера румынской компартии и министра иностранных дел Румынии в начале 1950-х годов). Это она обеспечивала кражу и вывоз из США документов Манхэттенского проекта (атомной бомбы: разъяснение для молодых); это она отправила в постель к Эйнштейну увядающую красотку Маргариту Коненкову (чтобы приблизиться, если удастся, к атомным секретам, а главное, чтобы раз навсегда заткнуть Эйнштейну рот на тему преследования евреев в СССР, что полностью получилось!). Однако решающее обстоятельство – это то, что она вместе со своим верным супругом подготавливала успешное покушение на Троцкого в Мексике в 1940 году. Все организаторы и участники этого убийства получили пожизненные индульгенции и синекуры от главбандита СССР, чьи решения соблюдались и после его смерти. Так что ларчик открывался совсем просто: у ВэЮ была сверхнадежная «крыша» – сестра и ее муж Василий Зарубин, како-

И. Мельчук

вой, выйдя на пенсию, сделался мастером по производству копий средневековых лютней...

Но сам ВэЮ? Почему вдруг 1937-ой год и такая спешка? Что случилось во Франции в этом году? Похищение белого генерала Миллера (расстрелян в Москве в 1939) и убийство перебежчика Игнация Рейсса – и то и другое дело рук НКВД. Однако же в связи с этими двумя преступлениями ВэЮ нигде не упоминается, притом что их участники известны. Что-то более мелкое, не попавшее в общедоступные источники? Я ответа так и не узнаю.

III

В одном из романов Джон Ле Карре говорит устами Смайли, своего любимого персонажа, про человека, который был самоотверженным героем антинацистского сопротивления в Германии во время Второй мировой войны, а потом стал успешным агентом коммунистической гэдээровской разведки – безжалостным убийцей: «He was one of those world-builders who seem to do nothing but destroy». Такова была жизненная стезя огромного большинства коммунистических героев плаща и шпаги. Но Виктор Юльевич Розенцвейг сумел выскользнуть из гэбэшных тисков: его человечность и практический ум позволили ему «вернуться с поля» и посвятить свою жизнь заботе о молодой науке и, главное, о молодых ученых. Нам остается только благоговейно склониться перед стихийными силами мироздания, наделивших ВэЮ возвышенной душой, замечательным характером, быстрым разумом, любовью к истине и к добру. «На какой арене стяжал он поздний опыт свой? С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой». ВэЮ дает нам замечательный пример внутренней человеческой трагедии, типичной для 20-го века; в то же время его жизнь демонстрирует принципиальную возможность счастливого конца.

Благодарности

Спасибо от всего сердца читателям и критикам различных версий этого мемуара: прежде всего, Л. Иорданской, а также Ю. Апресяну, М. Бурьяновой, С. Гиндину, Л. Ельницкому, А. Жолковскому, Н. Леонтьевой, Н. Перцову и А. Чехову.

В.А. Успенский

По поводу шестидесятилетнего юбилея В.Ю. Розенцвейга¹⁴:

1	4
Когда, всклочив рыжий волос, Вскричит неистовый Мельчук, Когда его раздастся голос, Как эпатирующий звук; Когда угроз и злобы полн, Десницу занесет Федот ¹⁵ , – Кто по грядам враждебных волн Умело масло разольет?	Я помню вторник. Аксельбантом Блистал великий адмирал. Но чьим ораторским талантом Был покорен притихший зал? Кто выполнил блестяще миссию, Победу увенчав викторией? И в результате вот комиссия, Руководимая Викторией ¹⁶ .
2	5
Когда грозя мещанам фигой, В словесный воплотит контекст Все тот же неумный Игорь Свой неперобродивший секс, – По дерзкому сему пути Кто Игорю не даст пойти?	Любой вопрос подвластен ей [= комиссии]: И вычислительные центры, И картотеки словарей, И алкоголиков проценты. Авторитетное бюро Сказало ей свое добро.
3	6
Когда на поприще МП Случится некое ЧП, – В чьи благодетельные руки, Мы судьбы предаем науки, И институтов, и себя? Владеет кто, хотел бы знать я, Искусством мудрой дипломатьи?	Но чьей отеческой заботе Обязан каждый семиотик? Кто там проводит семинар, Здесь выступление, тут лекцию? Кто вечно юную комплекцию От Бога получил как дар? Кто ж он? Конечно – юбиляр!

Примечания

- ¹ Успенский В.А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР: как это начиналось (заметки очевидца) // Festschrift für Viktor Jul'evič Rozenčveĭg zum 80 / Ed. T. Reuther. Geburtstag, Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1992. Sonderband 33. S. 119–162 (перепечатано с многочисленными дополнениями, приложениями, примечаниями и послесловием в: Успенский В.А. Труды по нематематике. М.: ОГИ, 2002. Т. 2. С. 965–1027.); Успенский В.А. Памяти Виктора Юльевича Розенцвейга // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1999, № 6. С. 33–37 (перепечатано в: Успенский В.А. Труды по нематематике... Т. 2. С. 1310–1317.)
- ² Математический Институт АН СССР им. В.А. Стеклова.

И. Мельчук

- ³ Не могу удержаться, чтобы не процитировать В.А. Успенского, который уже давно (1992) задал разумный вопрос: если мощь американской военщины опиралась на лженауку, то тем лучше это было для СССР. Ведь кибернетика делала эту мощь лжемоощью, не так ли? Однако коммунистические власти не принимали эту логику и обрушили на кибернетику всю мощь своей пропагандистской машины. (*Успенский В.А. Серебряный век... С. 984–985.*)
- ⁴ *Жолковский А.К. Эросипед и другие виньетки.* Томск, М.: Водолей Publishers, 2003. С. 521.
- ⁵ *Bally Ch. Le langage et la vie.* Paris: Payot, 1926; *Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand.* Paris: Didier, 1961. P. 66–67; *Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков.* М.: Высшая школа, 1965. С. 184–186; *Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели Смысл ↔ Текст // Wiener Slawistischer Almanach.* Wien, 1980. S. 11–13.
- ⁶ *Iordanskaja, L., Mel'čuk, I. Linguistic Well-formedness of Semantic Structures // MTT'09. Proceedings / Eds. D.Beck, K.Gerdes, J.Milićević, A.Polguère.* Montreal, 2010. P. 177–187. См. также: URL: <http://meaningtext.net/mtt2009>.
- ⁷ *Глазов Ю.Я. В краю отцов.* М.: Истина и жизнь, 1998. С. 159–162.
- ⁸ *Жолковский А.К. Указ. соч. С. 521.*
- ⁹ Who is Who & What is What in Linguistics: Справочник Объединения по Металингвистике при АН и КГБ СССР / Сост. А.К. Жолковский. Изд. 2-е дополненное и озлобленное. М.: Красное словцо, 1967 (рукопись). См. также: Кириллица, или небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова // Рутения [Электронный ресурс]. [2006]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/539834.html>.
- ¹⁰ *Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка.* М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. С. iv–vi.
- ¹¹ *Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений.* Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.
- ¹² *Mel'čuk I., Zholkovsky A. Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian.* Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1984.
- ¹³ «Всесоюзное Общество по Культурным Связям с Заграницей»: организация, густо нашпигованная агентами разведки и НКВД; она служила прикрытием таким чудовищам, как, например, главный костолом Сталина Кобулов – он служил в советском посольстве в Берлине как представитель ВОКС-а.
- ¹⁴ *Успенский В.А. Серебряный век... С. 984–985.*
- ¹⁵ Федот Петрович Филин, директор Института Русского языка, хитрый и злобный интриган. По слухам, во время Второй мировой войны командовал заградотрядом.
- ¹⁶ Виктория Николаевна Ярцева, директор Института Языкознания. (Мой преподаватель арабского языка Юлий Анцесс называл ее Al-Qiqimura.)